

ИСТОРИЯ
РОССИИ
XX век

Под редакцией А. Б. ЗУБОВА

ИСТОРИЯ РОССИИ

XX век

КАК РОССИЯ ШЛА к XX ВЕКУ
ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II
ДО КОНЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1894–1922)

Том I

МОСКВА
2016

УДК 94(470)"19"
ББК 63.3(2Рос=Рус)6
И90

Под редакцией *А. Б. Зубова*

И90 **История** России XX век. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894—1922). Том I. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 976 с. — (История России. Новый взгляд).

ISBN 978-5-699-89930-2

Эта книга — первая из множества современных изданий — возвращает русской истории Человека. Из безличного описания «объективных процессов» и «движущих сил» она делает историю живой, личностной и фактической.

Исторический материал в книге дополняет множество воспоминаний очевидцев, биографических справок-досье, фрагментов важнейших документов, фотографий и других живых свидетельств нашего прошлого. История России — это история людей, а не процессов и сил.

В создании этой книги принимали участие ведущие ученые России и других стран мира, поставившие перед собой совершенно определенную задачу — представить читателю новый, непредвзятый взгляд на жизнь и пути России в самую драматичную эпоху ее существования.

УДК 94(470)"19"
ББК 63.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-89930-2

© Зубов А.Б., ред.-сост., 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

КАК РОССИЯ ШЛА К XX ВЕКУ

От складывания восточнославянской общности до начала царствования Николая II

В XX веке в нашей стране произошла катастрофа. В 1917—1954 гг. самими русскими людьми были убиты десятки миллионов лучших граждан России, изгнаны из страны миллионы других. Невыносимые условия жизни, голод, нищета и репрессии привели к тому, что многие люди предпочитали не создавать семьи, не рожать детей. В 1939 г. народ России оказался втянутым в страшную мировую войну, стоившую нам новые десятки миллионов жизней. В XX веке страна потеряла, по нашим оценкам, 95 процентов своих культурных сокровищ, множество природных богатств и, наконец, в 1991 г. распалась на части. Нынешняя Российская Федерация и по населению, и по обжитой территории составляет немногим более половины той России, которая была в начале XX века. XX век — трагичнейшее для России столетие.

Последствия XX века далеко еще не преодолены нами. С огромным трудом поднимается ныне русское общество после тех тяжких ударов, которые испытало оно в прошлом столетии. Но почему такие беды обрушились на нашу родину?

Катастрофа XX века произошла не случайно и не вдруг: события такого масштаба не могли не подготавливаться десятилетиями. И действительно, многие проницательные русские люди, начиная с Радищева, Пушкина, Лермонтова, Хомякова, а позднее — Достоевский, Владимир Соловьев, авторы сборника «Вехи» (1909 г.) и некоторые умные иностранцы предсказывали страшный русский бунт, «бессмысленный и беспощадный», который может погубить нашу страну. Предсказания этих мыслителей были не голословны. Они хорошо знали русскую историю, современную им Россию и процессы, протекавшие в других странах мира. Они видели много неправды в русской жизни. В чём же источник неправды?

Любое общество в любую эпоху будет прочным и несокрушимым, если люди, его составляющие, помогают друг другу, заботятся друг о друге, уважают свободу друг друга и общий интерес ставят выше своего личного. Такие отношения называются *солидарными*. Там же, где люди свой интерес ставят на первое место и не заботятся о ближних, — там и семья, и государство

разрушаются. В армии, состоящей из себялюбцев, кто пойдет умирать за отечество? Принцип солидарности всеобщ, но для христиан он — обязательный закон веры. Церковь, возглавляемая Иисусом Христом, строится на любви и жертве. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою», — учит Господь [Ин. 13,35]. Для общества, считающего себя христианским, солидарность совершенно обязательна. Она есть проекция Церкви в общественно-политические отношения. Было ли солидарным русское общество?

Мнение мыслителя:

«В русской душе... нет творческого приятия истории, как подвига, как странствия, как дела... В русском переживании истории всегда преувеличивается значение безличных, даже бессознательных, каких-то стихийных сил, „органических процессов“, „власть земли“, точно история совершается скорее в страдательном залоге, более случается, чем творится... Выпадает категория ответственности... В истории русской мысли с особой силой сказывается эта безответственность народного духа. И в ней завязка русской трагедии культуры. Это христианская трагедия... Трагедия вольного греха, трагедия ослепшей свободы... трагедия мистической неверности и непостоянства. Это трагедия духовного рабства и одержимости...» — Протоиерей Георгий Флоровский. Пути Русского богословия. Париж, 1988. — С. 502.

1. Начало Русской земли

В середине XIX столетия, в 1862 г., русские люди отметили тысячелетие своей земли. Но в «Повести временных лет», древнейшей русской летописи, составленной киево-печерскими монахами — Нестором Летописцем и иными в XI — начале XII в., ещё под 852 г. (т.е. на десятилетие раньше) имеется запись: «Когда начал царствовать [византийский император] Михаил, стала прозываться Русская земля... вот почему с этой поры начнём и числа положим». В действительности имя «Русь» встречается в летописях и под более ранними датами (например, в Бертинской летописи под 839 г.), а славяне упоминаются в греческих и латинских текстах с V в. Культурные народы Римской империи и Переднего Востока не без основания считали славян дикарями и разбойниками. Такими они и были в те далекие времена.

Жили славяне территориальными союзами, расселившись по рекам Восточной Европы от Одера и Вислы на Западе до Оки и верховьев Волги на Востоке, от Ладожского озера на Севере до Дунайской равнины на Юге. Жили, если верить греческим и арабским свидетельствам, да и нашей собственной Начальной летописи, очень недружно, нападая и на соседей, и друг на друга. Грабеж занимал в жизни древних славян не менее почетное место, чем торговля или земледелие. Грабя и разбойничая, славяне сами, в свою очередь, немало страдали от нашествий извне от аваров (обров), хазар, болгар, угров, приходивших с Востока, из Степи, и от варягов, вторгавшихся

в славянские земли с северо-запада из Скандинавии, с побережья Балтийского (Варяжского) моря. Нередко, чтобы обеспечить себе сравнительно спокойную жизнь, славяне платили дань соседним воинственным народам и, в свою очередь, взимали дань с народов послабее — чуди, веси, муромы, мери, черемисов, мордвы, пермяков, печеры, литвы, семигальцев, куршей, норовов, ливов. Одни из них были угро-финского, другие балтийского происхождения. Каждый народ-племя «жило своей властью и своим владело».

В скандинавских сагах земли именуются Гардарикой (Gardaríki). Иногда имя это переводят как «страна городов». Но перевод такой неверен и с точки зрения языка, и исторически. Городов у древних славян было очень мало в сравнении с Византией и Западной Европой. Наша земля удивить обилием городов викингов не могла. Кроме того, *garðr* — это не город, а огороженный частоколом двор, укрепленная усадьба. Город викинги называли по-иному — *borg*, *staðr*. Но и изобилием замков знати наша земля вряд ли могла удивить викингов. Замки тогда были рассыпаны по всей Европе. Скорее всего, такое название получила наша земля потому, что каждый хутор, каждая деревенька представляла собой маленькую крепость. И это поразило заморских гостей, привыкших к более открытой жизни. Наши отдаленные предки защищались частоколами вряд ли только от диких зверей. Скорее всего — друг от друга.

В конце VII в. часть восточных славян была покорена тюркскими кочевыми племенами хазар. В VIII в. хазары создали оседлое государство — Хазарский Каганат со столицей в городе Итиль на Нижней Волге. Среди хазар действовали иудейские и мусульманские проповедники. Часть хазар приняла ислам, но большинство, в том числе и правящий слой, выбрали иудаизм. Славяне — поляне, северяне, вятичи — входили в каганат. Их вожди усвоили себе титул — каган. Каганами русских киевских князей именуется еще митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати» во второй четверти XI в.

В этот период славянские земли, расположенные по Днепру, Сейму и Оке, были северо-западной периферией Переднего Востока. Множество кладов арабских монет, чеканенных в конце VII — начале X в., найденных в нашей земле, ясное свидетельство того, что славяне широко торговали с Востоком, пользуясь торговыми путями и защитой Хазарского Каганата, частью которого они тогда являлись. Арабские путешественники сообщают, что у славян главными предметами вывоза были меха, воск, мёд и рабы. Рабы — в первую очередь. Продавали славяне не чужеземцев, не военнопленных, но большей частью своих же соплеменников, совершая набеги и ведя войны между племенами и родами. Вот почему нужны были частоколы, крепостные валы и рвы нашим древним поселениям. Арабы, описывая славян, не раз утверждали, что те обладают «звериным нравом». Во многих новоевропейских языках слово «раб», происходящее от слова «славянин» — *slave* в английском, *esclave* — во французском, вытеснило старое латинское слово *servus*. В средневековом

греческом языке слово, обозначающее раба, — «дулос» (δοῦλος), тоже было вытеснено словом «склавос» (σκλαβος) — так греки называли славян.

На своих братьев наши предки выменивали у восточных купцов предметы роскоши и орудия войны — дорогие ткани, золотые украшения, вина, военные доспехи и оружие. Нет свидетельств, что так поступали со славянами властвовавшие над ними хазары. Хазарские и арабские купцы скупали для продажи на невольничьих рынках тех людей, которых предлагали им сами славяне. Понятно, что подобные «коммерческие операции» не способствовали миру и дружественности между славянами, хотя наши древние предки прекрасно сознавали, что они происходят от одного «словенского рода» (кстати, происхождение слова «славянский» нам так и не известно в точности) и что многие иные народы, окружающие их, хотя и не славяне, но тоже состоят с ними в древнем родстве. К таким «дальним родственникам» относит летописец и племена, платившие дань славянам, — угро-финнов, балтов, а также викингов-варягов и греков.

Если южная и восточная часть восточнославянского мира входила в VIII—IX вв. в Хазарский Каганат, то северо-западная часть восточных славян, вместе с жившими бок о бок с ними угро-финскими племенами, была данником варягов. «Имаху дань Варязи из заморья на Чюди, и на Словене, на Мери и на всех Кривичех», — повествует летопись. Дружины викингов — норманнов наводили в те века ужас на всю Европу. Родиной их была еще не христианизированная тогда Скандинавия — Швеция, Норвегия, Дания. Мужественные воины и прекрасные мореплаватели, жестокие и жадные до денег и роскоши, они покорили целые государства на Западе Европы (Нормандия, Англия), отвоевали у арабов Сицилию и Южную Италию, опустошали Андалузию и Гранаду. Варяги составляли и особый наемный полк византийских императоров. Викингов не могли не заинтересовать громадные пространства Восточной Европы. Они создали там ряд опорных крепостей — Ладогу (*Altdaigjuborg*), Изборск (*Izborg*), Старую Руссу (где завладели соляными варницами) — обложили славян и финнов данью и боролись за дани со славян с хазарами.

Особый интерес для викингов представлял великий торговый путь, который, в конце концов, стал называться путем «из варяг в греки», то есть путем, по которому шла торговля между Византийской греческой империей и викингами-варягами. На этом пути с глубокой древности располагались торговые города, по преданию, основанные самими славянами — Киев на среднем Днепре, выше Киева — Чернигов, Любеч и Смоленск, еще северней — Новгород Великий на Волхове, северо-западней — Псков на реке Великой и Полоцк на Западной Двине. По Двине, Неве, Волхову, Ловати и Днепру шли основные торговые пути с Балтийского моря на Черное, на Босфор, где стоял главный город тогдашнего христианского мира, культурная столица Европы — Константинополь — Царьград. Богатства отовсюду стекались в него.

Многое создавалось самими искусными греческими мастерами — ткачами, ювелирами, оружейниками, кожевниками.

Варяги жаждали добиться монополии на торговлю богатствами славянских земель с Царьградом. В отличие от хазар, которые быстро создали в VIII веке собственное высококлассное ремесло и производили много товаров на вывоз, варяги сами не производили ничего ценного для мира. Они жили грабежом, даями с покоренных народов, а если всего этого не хватало — сами себя продавали в наемники. Поэтому власть варягов была существенно обременительней для славян власти хазарской.

Под 862 годом в Начальной летописи имеется многозначительное свидетельство: «...изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собой управлять и города ставить». Другая летопись (2-я Псковская) поясняет, что варяги, собирая дани, «насилия великие делали новгородцам и кривичам, и меряном и чюди». Что это были за насилия, не трудно догадаться, если посмотреть на поведение варяжских князей в следующие века и в разных странах. Они угоняли людей в рабство, по два и по три раза в год собирали дани, отбирали в свои гаремы красивых женщин и девушек, превращали свободное коренное население в зависимых арендаторов, устанавливая свою собственническую власть над сельскохозяйственными угодьями, и невероятными жестокостями добивались всецелого повиновения от покоренных народов.

Северные славянские племена славян-новгородцев и кривичей-псковичей, объединившись с соседствовавшими с ними народами финскими — чюдью (эстонцами) и мерей (широко жившей от рек Шексны и Мологи до Клязьмы и Москвы-реки), прогнали «за море», то есть на свою историческую родину, варяжских завоевателей. Значит, жившие своим законом славяне и финны были хорошими воинами и умели объединяться в межплеменные союзы, если смогли они осилить лучших воинов тогдашней Европы и сбросить их тяжкое иго. Летописи за давностью лет не знают, где произошли решающие битвы, но значение их для воинской славы и политической самостоятельности славян не меньше, чем сражений на льду Чудского озера и на Куликовом поле.

Казалось бы, достижение такой «национальной независимости» для славян было великим благом. Но летописец сразу же вслед за словами об изгнании варягов добавляет: «... и не бе в них правды, и воста род на род, и бысть межю ими рать велика и усобица, и воевать почаша сами на ся». Христианский монах оценил политическую жизнь своих предков с точки зрения «правды». Не было правды, солидарности у добившихся независимости славян, и они стали воевать между собой. Так впервые в русскую историю входит понятие междоусобной смуты. Смута эта, по всей видимости, была жестокой и кровавой, охватила многие земли, если предки наши пошли на радикальное средство — «решили между собой — поищем себе князя, который бы владел нами и судил *по праву*, и пошли за море, к варягам, к Руси... и так

сказали Руси Чюдь, Словени и Кривичи „вся земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами“.

Русские историки XIX—XX вв. из патриотических соображений предпочитали говорить, что славяне призвали варягов для охраны от набегов внешних врагов, как наёмных дружинников, а потом уже варяги, воспользовавшись своей силой, коварно захватили государственную власть (Ключевский). Но ни одна летопись не говорит ничего подобного, все же единодушно повторяют слова, что славяне и финны призвали варягов *править*, так как, изгнав варягов, славянские и финские племена вверглись в страшную междоусобицу — «и бысть межю ими рать, град на град, и не бяше правды» (Псковский летописец).

Независимо от того, имело ли место в действительности подобное событие в середине IX в., именно так видели недавнее свое прошлое наши предки в XI—XII вв. Они были убеждены, что славянские племена, жившие на богатых и обширных землях, не сохранили *правду* в своих внутренних отношениях и в результате дошли до страшной междоусобицы, до такой вражды, что договориться между собой о восстановлении мира уже не было никакой возможности, и потому славяне унизились до того, что пошли себе искать правителя среди чужих народов за морем, просить своих бывших порабитителей вернуться и снова владеть ими. В скурых словах летописи явно виден скрытый упрек соотечественникам славянам — как же вы не сохранили правды между собой и начали враждовать друг с другом, да так, что вся наша земля впала в безвластие и разорение.

В чем же не было правды между родами славян и финнов, почему разгорелась между ними братоубийственная брань? Летописи об этом ничего не говорят, и мы можем только догадываться о причинах. Вряд ли это была борьба за землю, за угоidia — всего этого на северо-востоке Европы тогда было более чем достаточно — «вся земля наша велика и обильна». Скорее всего, жестокое братоубийство началось из-за рабов. Каждый род, особенно родовая верхушка, жил торговлей людьми, челядью. Рабов взять можно было только у соседей или у своих ввавших в бедность и кабалу соплеменников. Варяги держали славян в повиновении и сами грабили их, когда же внешней силы не оказалось, то грабить стали славяне и финны друг друга, сами себе стали варягами. И в этом взаимном ожесточении грабежа они дошли до такого разорения, что вспомнили былых своих порабитителей и вновь захотели над собой их власти. Можно предположить, что о варяжской власти особенно скорбела племенная верхушка, торговавшая плодами рук своих соплеменников и самими соплеменниками, а теперь лишившаяся власти над ними.

На призыв славянских и финских вождей откликнулся известный всей Европе пират и авантюрист Рюрик (по франкским летописям — Рорик), правитель южной части Ютландского полуострова и Фрисландии, вассал германского императора Лотаря I. Он собрал немалую дружину и пришел

в славянские земли. Дружина, которую набрал себе Рюрик среди варягов за морем, во всех летописях именуется «Русью». Автор «Повести временных лет» специально подчеркивает, что «от тех варягов прозвалась Русская земля... прежде же называлась она славянской».

Византийские греки и арабы «Русью» часто называли дружины норманнов, а иногда и самих норманнов как особый народ и противопоставляли русский язык славянскому. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» дает параллельно русские и славянские названия днепровских порогов, и русские их имена, безусловно, скандинавские (Ульворс, Эйфар и др.). Русью (Ruotsi) до сих пор называют шведов и Швецию финские народы восточной части Балтийского моря — эстонцы, финны, ливы. Современные ученые-филологи выводят слово Русь из древнескандинавского — *rogrhsmenn* (Róðsmenn) — «гребцы, мореходы». Скорее всего, свое имя наша страна получила от народа, который призвала править собой.

Варяги сначала укрепились на севере, в тех землях, с которых и раньше вносили дань, а потом устремились на юг и восток. Правившие после Рюрика варяжские конунги (князья) Олег (Хелег) и Игорь (Ингвар) отвоевали у хазар Киев, Смоленск, Чернигов, Любеч. В 965 г. сын Игоря Святослав разгромил войско хазарского кагана и захватил («взял на щит») важный хазарский торговый город Саркел на Дону — Белую Вежу. Так варяжская власть утвердилась во всех восточнославянских и финских землях от Волыни до Оки, от Азовского моря до Белого. Варяги составили новый правящий слой покоренной ими земли и постепенно, сначала Киевская область, а потом и все занятые варягами славянские земли стали именоваться Русью.

Вся Русь управлялась конунгом — великим киевским князем из прямых потомков конунга Рюрика. Своих родственников и военачальников он назначал в областные города правителями и собирателями дани. «Народное хозяйство» Русской земли было организовано очень просто. Князь собирал дань со славянских и финских племен рабами, мехами, воском, медом и деньгами (*кунами*). Всё собранное продавалось греческим и арабским купцам или непосредственно в Киеве, или, что было намного выгодней, но сопряжено с большим риском, в Херсонесе, Константинополе, Багдаде, Дербенте. На вырученные деньги покупались предметы роскоши, оружие, ткани, красивые рабыни, вина, вяленые фрукты. Понятно, что все эти заморские редкости доставались только князю, воинам княжеской дружины и племенным вождям славян и финнов. Весь остальной народ, за исключением жителей торговых городов, обслуживавших торговую верхушку, никаких выгод от варяжской власти не имел, но только бесконечные поборы, а то и обращение в рабство. Бывшую свою землю крестьяне теперь вынуждены были арендовать у князя и иных крупных землевладельцев. Из свободных граждан — людинов — они превращались в арендаторов — наймитов и закупов на господской земле.

Когда викингам хотелось большего, они, призвав своих соплеменников из-за моря и набрав рать среди славян и финнов, отправлялись походом на Константинополь, нещадно грабя всё по пути. Патриарх Фотий оставил свидетельство бесчинств русской рати под водительством Аскольда и Дира под стенами Константинополя в 866 г., Лаврентьевская летопись сохранила описание варварских жестокостей Олега и его варяжско-славяно-финской рати в 907 г. Собрал награбленное, выкупы и отступное, лихое воинство возвращалось в Киев. Но одним грабежом жить было невыгодно — как сбывать рабов, меха, мед и воск, полученные по дани с покоренных племен? И потому, вволю пограбив, варяжский конунг заключал с греками мирный торговый договор и только после этого удалялся восвояси. Так работала хозяйственная система русского государства в IX—X веках.

Сами не производя ничего, викинги старались из всего извлекать наибольшую прибыль. Так, главная обязанность любой власти — поддержание правопорядка, была превращена в постоянный источник дохода. «Русская Правда» (т.е. закон, созданный варягами для славянских земель) — древнейший наш судебно-процессуальный кодекс, построен на очень характерных принципах. Если совершалось преступление и потерпевший искал от княжеской власти возмещения убытка или удовлетворения оскорбленной чести, то княжеская власть вмешивалась, проводила дознание и требовала от преступника выплаты компенсации истцу, но при том и сама брала с преступника высокий штраф — *виру*, как правило, равный, а то и больший компенсации пострадавшему. При этом жизнь и имущество дружинников князя охранялись намного более высокими штрафами, чем жизнь и имущество простых людей. За убийство княжьего мужа и штраф и компенсация родственникам (*головничество*) были по 80 гривен, то есть примерно по 20 кг серебра. За убийство простого свободного человека штраф был 40 гривен, но компенсация могла уменьшаться и до 5 гривен, если убитый был обычным крестьянином. Ни смертной казни, ни телесных наказаний «Русская Правда» не знает. Высшей мерой наказания — за поджог и разбой — является продажа всего имущества преступника и его самого и членов его семьи в рабство. Доход делится в определенных долях между князем и потерпевшими. Деньги для варягов были высшей ценностью.

Впрочем, правящий слой по крови быстро перестал быть чисто нормандским. В него включались и славяне и финны, готовые жить по обычаям викингов, служить конунгу. И если сам конунг, начиная со Святослава, часто брал себе славянское имя, то становившиеся дружинниками князя местные юноши, равно как и славянские жены варягов, принимали варяжские имена, поскольку они были видимым знаком аристократического положения. В договорах Олега и Игоря с византийскими императорами почти все, поставившие подписи с русской стороны, имеют типично скандинавские имена — Карл, Свенельд, Ингивлад, Руальд, Свен и т.д. Большинство из них, скорее всего, действительно варяги, но есть и норманизированные

ные славяне и финны. Известно, например, что варяжская княжна Рогнеда презрительно называла мать великого князя Владимира рабыней Малушей. Сама же Малуша гордо именовала себя Манефредой. Многие древние летописи называют мать Святослава, жену князя Игоря, простой перевозчицей из села Выбуты на реке Великой, то есть славянкой из племени Кривичей. Но она носит варяжское имя Ольга (Хельга — святая) и ведет себя по отношению к своим соплеменникам совсем не патриотично, коварно убивая славянских князей и жестоко приводя к повиновению взбунтовавшихся славян-древлян.

Чтобы войти в высший слой русского общества, в то время надо было являться варягом, если и не по крови, то по имени и стилю жизни. Но настоящие варяги никогда не забывали, кто был подлинно их рода, а кто только включен в него извне. Корабли варяжских и славянских дружинников поднимали в дальних походах паруса разного цвета, и когда кому-то из Рюриковичей требовалась срочная помощь, он отправлялся в Скандинавию вербовать новые варяжские дружины. На них можно было положиться уверенней, чем на славян и финнов. Между массой славянско-финского народа и русью, правившей им и жившей на его счет, в то время пролегалo глубокое разделение. По сути, на восточнославянских землях в IX—X вв. лежало варяжское иго, не менее тяжкое, чем позднее — иго татарское. Ничего значительного тогда не строилось на Руси, ничего не создавалось. Славянская земля являлась лишь дойной коровой для алчных пришельцев и прилепившихся к ним, пытавшихся слиться с ними людей из местной племенной верхушки. И в это тяжкое положение славяне и финны попали, добровольно призвав варягов, не сумев управлять собой сами дружно и справедливо.

В одном из летописных сводов (Никоновский) упоминается, что через два года после воцарения Рюрика в Новгороде новгородцы, сказав «быть нам рабами и много зла пострадать от Рюрика и земляков его», составили заговор под предводительством «храброго Вадима». Но Рюрик сведал о планах заговорщиков, Вадима и многих его сподвижников убил и всякое сопротивление варягам подавил. Однако вряд ли власть викингов в славяно-финских землях была прочной. Новые завоеватели, скорее всего, покончили бы с ними так же быстро, как сами викинги покончили с хазарами — при равнодушии коренных обитателей, которым и те и те были только в тягость.

2. Крещение Руси. Сложение русского народа

Дохристианские верования славян известны нам очень плохо. По отрывочным данным иностранных хроник, по немногим археологическим находкам, по очень скурым упоминаниям наших летописей и иных сочинений первых столетий после христианизации можно представить, что

религиозный мир славян был двухуровневый. Почитали высших небесных божеств — Перуна, Сварога, Дажьдбога, Велеса, Мокошь и духов, защитников и покровителей рода. Возможно, покровителями рода считались и умершие предки — *пращуры*. В некоторых местах славянского мира находились крупные племенные религиозные центры. Такой центр был на острове Рюген в Балтийском море (ныне на польско-германской границе) и, возможно, на холме Перынь близ Новгорода. Религиозные обряды и жертвоприношения имели целью, в первую очередь, обеспечить благополучную жизнь на земле, богатство, успех в торговле и труде, многочадие, оградить от злого колдовства, от голода, стихийных бедствий, врагов и болезней. Богам и духам от имени племени или отдельного человека приносили жертвы (наше слово «жрать» по-славянски значит — приносить жертву, жертвовать) особо определенные люди — волхвы или ведуны. Они же предсказывали будущее. Волхвы были посредниками между миром богов и людьми. Практиковались человеческие жертвоприношения. Очень сходными были и религиозные представления варягов, финно-угорских и балтийских народов (литовцев, ятвягов, латышей, пруссов). Сейчас такой тип религиозной жизни мы называем шаманизмом. В нем нет нравственной составляющей: боги и духи помогают человеку быть таким, каким он хочет, а не побуждают его быть столь же совершенным, как совершенен его создатель — Бог, чтобы стать одно с Ним.

Однако не всегда славяне, германцы и балты имели шаманскую религию. В их представлениях сохранились следы совершенно иной по целям веры. За несколько тысячелетий до того религия европейцев (индоевропейцев, как их именуют ученые) была намного более сложной и совсем иначе направленной. От этой древней религии сохранился обширный круг гимнов, которые называются — *веды*. Веды до сего дня — важный элемент религий Индии, но, по крайней мере, древнейшие из них сложились еще до прихода европейцев в эту страну, на их древней прародине. Народ, создавший веды, именовал себя — **ārya** — «свободные, благородные». Прародину ариев помещают различно, чаще всего — между Вислой и Уральскими горами. И действительно, язык вед — санскрит, очень близок и грамматически и лексически к балтийским и славянским языкам. Например, знаменитое изречение вед — *Tam tvaṃ asi* — «То ты еси» (то есть предвечный Бог и ты, человек, одно и то же), понятно и нам практически без перевода, хотя изречению этому не менее четырех тысяч лет.

К концу II тыс. до Р.Х. арии широко расселились от Ирландии до Северной Индии. Греки, римляне, кельты, германцы, армяне, славяне, осетины, иранцы, хиндустанцы, балты — потомки ариев — говорят на сходных языках и когда-то имели сходные верования и общественную организацию. Тогда стержнем религиозной жизни ариев была борьба со злыми силами — *да-сьями*, которые стремились разрушить божественный космический порядок *ṛitu* — *ṛta* (современные слова ритм, rite, right — производные от него). Человек должен был делать не то, что ему хотелось, но то, что приводило

к победе добра над злом, созидания над разрушением, правды над ложью. Те, кто сражались на стороне богов — дэвов, обрели вечную небесную жизнь, жизнь в Боге, которого в древнейших ведах именуют Аджа (*A-ja*) — нерожденный, то есть вечный. Достичь такой жизни, соединиться с божественным вечным бытием и было целью древних ариев.

Многие имена богов и религиозные понятия сохранились в славянском и русском языках от того времени единой арийской общности. Сварог — это арийское Сварга — небо, рай (Сварнара), ведун — от веды, знания, смерть — индоевропейское — мрити, джа — корень, сохранившийся в наших словах рождаться, родшийся, и в греческом — *genesij*. Но сама ведическая религия и связанный с ней особый общественный строй нигде не сохранились, кроме Индии, хотя, судя по остаткам старых форм, с ними были когда-то знакомы все или почти все индоевропейцы, в том числе и славяне, и германцы, и балты. Большинство индоевропейских народов постепенно утратили стремление к небу, к нравственному совершенству, забыли о «Тат твам аси», о том, что человеку предназначено божественное вечное бытие. От Бога они повернулись к себе, от трудного нравственного совершенствования ради служения высшему — к самоугождению и самодовольству. Место совершителя священнодействий занял волхв — колдун; самопожертвование, символически выражаемое принесением Богу плодов своего труда, заместилось принесением в жертву другого человека ради себя. Именно такой стала религия варягов и славян к X в. по Р.Х. Поэты-скальды еще пели древние предания о борьбе богов с демонами, но люди хотели от богов только одного — помощи в устройении земных дел. О *pute* никто не вспоминал.

Начальная летопись довольно подробно рассказывает о той жизни, которую до крещения вел князь Владимир (Вольдемар). Он, желая завладеть Киевским великокняжеским столом, убил брата Ярополка, вместе с престолом захватил жену брата, беременную греческую пленницу монахиню, и сделал ее своей наложницей. Он убил отца и двух братьев понравившейся ему варяжской полоцкой княжны Рогнеды и завладел ею. В Киеве, по слову летописца, он содержал восемьсот наложниц и при том не пропускал ни одной понравившейся ему мужней жены или девицы. Ему принадлежат знаменитые слова «Руси есть веселье питие — не можем без того быти». О невероятной нравственной распущенности, «нестыдении» Владимира повествуют и современные ему иноземные источники. Кроме того, он всячески поощрял принесение в жертву людей в кумирнях Перуна и иных богов. По сообщению летописца, жители Киева приводили на княжий теремной двор «своих сыновей и дочерей и там приносили их в жертву бесам».

От князя не отставал и народ. Арабские путешественники того времени сообщали, что «все руссы постоянно носят при себе копыя, потому что они мало доверяют друг другу — коварство между ними дело самое обыкновенное; если кому удастся приобрести хоть малое имущество, как уже родной брат или товарищ начинает завидовать и домогаться, как бы убить